

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

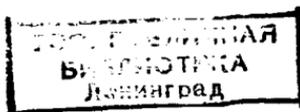
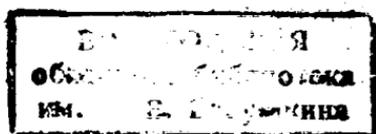
Ноябрь — Декабрь

1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Г. Н. Симаков

ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У КИРГИЗОВ

[Конец XIX — начало XX в.]

Данная статья представляет собой первую попытку дать типологию скотоводческого хозяйства у киргизов.

Основными источниками для нее послужили статистико-экономические исследования, проведенные в начале века Переселенческим управлением в разных районах Киргизии¹. Кроме того, привлечены работы советских исследователей 20—30-х годов², полевые материалы, собранные автором во время экспедиционных поездок в Киргизскую ССР в 1973—1974 гг.³ Использованы также исследования советских этнографов, работавших над проблемой хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в последние 20 лет⁴.

Избранные автором принципы выделения типов скотоводческого хозяйства и терминология несколько отличаются от общепринятых в этнографической литературе по Средней Азии, что объясняется характером исследуемого материала.

Для определения типов киргизского скотоводческого хозяйства нами использовался ряд критериев. Главным из них следует считать наличие или отсутствие зависимости скотоводческого хозяйства от земледелия (а при наличии такой зависимости — ее степень). Остальные являются следствием главного. К ним относятся: состав стада (удельный вес крупного рогатого скота и соотношение его с другими видами ско-

¹ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», т. VIII (Пишпекский уезд), вып. 2. Текст. Пг., 1916, с. 52 (далее — «Материалы по обследованию...»); «Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область, Андижанский уезд». Ташкент, 1913, с. 42 (далее — «Материалы по киргизскому землепользованию...») и др.

² См.: Б. Б. Карп, И. Е. Суллов. Современный аул Средней Азии (социально-экономический очерк), вып. X. Ташкент, 1927, с. 69; П. Кушнер. Горная Киргизия, М., 1929, и др.

³ Полевые записи за 1973—1974 гг. Тетради № 7 и 8 (записи хранятся у автора).
⁴ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — «Сов. этнография», 1955, № 4, с. 9; С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — «Материалы по отделению этнографии», ч. I, Л., 1961, с. 2—15; Б. К. Кармышева. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX в.). — «Сов. этнография», 1969, № 3, с. 44—51; Ю. А. Шибалева. Животноводство у киргизов Восточного Памира. — «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана». Л., 1973, с. 99—131; А. Оразов. Некоторые формы скотоводческого хозяйства в дореволюционной Туркмении. — Там же, с. 70—74; Г. Е. Марков. Кочевники Азии. М., 1976, с. 8—9; С. И. Вайнштейн. Проблемы происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. — Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1973; А. М. Хазанов. Характерные черты кочевых обществ Евразийских степей. — Там же; М. П. Грязнов. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. — «Краткие сообщения ИЭ АН СССР», вып. XXXIII, 1960, с. 19—21.

та); наличие или отсутствие сенокосения (степень его развития) и кочевания (его продолжительность и протяженность маршрута), а также сезонной или постоянной оседлости (длительность пребывания скотоводческих хозяйств на одном месте); наличие или отсутствие стационарных помещений для скота и регулярного кормления скота с помощью заранее заготовленных кормов; степень развития отгона скота (его длительность и удельный вес в хозяйстве); характер использования различных видов скота в хозяйстве; формы организации выпаса скота; количество постоянно кочующих членов семьи, а также продолжительность их пребывания на кочевье и на призимовочной территории; соотношение культурных угодий (посевов и сенокосов) и пастбищных угодий (выгонов) на призимовочной территории.

При разработке классификации учитывались внутренняя взаимозависимость названных признаков и их взаимовлияние. Например, многие кочевые скотоводческие хозяйства киргизов в течение зимнего времени не кочевали (зимняя оседлость), в составе их стада имелся крупный рогатый скот и хозяйства пользовались для зимней подкормки скота сеном — эти признаки характерны для оседлого скотоводства. Однако они, на наш взгляд, не дают еще достаточного основания для отнесения подобных скотоводческих хозяйств к нековым, так как при отсутствии в хозяйстве земледелия перечисленные признаки были неустойчивыми.

За основу каждого типа было принято некое среднее хозяйство. Правда, при этом указываются его варианты, обусловленные классовыми причинами, особенностями природных условий того или иного района, традиционно-культурными особенностями и т. д. (следует отметить, что кочевое скотоводство к концу XIX — началу XX в. было представлено главным образом байскими хозяйствами).

В киргизоведческой литературе по скотоводству часто в одном и том же значении употребляются термины «тип», «форма» и «система скотоводческого хозяйства». Но, на наш взгляд, каждый из этих терминов имеет свое специфическое значение.

Под **формой** скотоводческого хозяйства мы понимаем способ выпаса и содержания скота. Скотоводческое хозяйство киргизов в конце XIX — начале XX в. было представлено следующими формами: пастбищной, отгонной, выгонной и стойловой.

То или иное сочетание форм скотоводства определяет его тип (или подтип). Своеобразие каждого типа, таким образом, определяется составом входящих в него форм скотоводства, а также хозяйственным значением каждой из них.

Формы скотоводства в зависимости от того, являются они характерными для кочевых или оседлых скотоводческих хозяйств, можно разделить на две группы, каждая из которых составляет самостоятельную **систему**. Так, пастбищное скотоводство — основа системы кочевого скотоводства, а выгонное, отгонное и стойловое (полустойловое) — характерны для оседлого скотоводческого хозяйства и составляют вместе систему оседлого скотоводства. Для Киргизии конца XIX — начала XX в. характерно (что будет видно ниже) тесное переплетение систем оседлого и кочевого скотоводства.

Таким образом, отправным элементом классификации является форма скотоводческого хозяйства. Остановимся подробнее на том, что мы имеем в виду, говоря о той или иной форме скотоводства.

Под **пастбищной** формой подразумевается скотоводческое хозяйство, при котором скот в течение круглого года или части его содержится на подножном корме и в сопровождении скотовода и его семьи переходит с одного сезонного пастбища на другое⁵.

⁵ С. И. Руденко. Указ. раб., с. 3.

При *отгонной* форме скотоводства весь скот или часть его отправляется на целый год или на несколько месяцев на отдаленное пастбище. Главной особенностью отгонного скотоводства является сравнительно большое удаление пастбища от того места, где оседло живут в данное время скотовод и его семья. В силу этого обстоятельства пастбы скота, а также доение, уход за ним осуществляют пастухи (посторонние люди, родственники или члены семьи скотовода), которые неотлучно находятся со скотом. Таким образом, при отгонном скотоводстве когут со скотом или пасут его (в одном месте) только пастухи.

В условиях *выгонной* формы скот также содержится на подножном корме, но он отходит от места постоянного пребывания скотовода и его семьи на небольшие расстояния, что позволяет один или несколько раз в день доить и подкармливать скот, укрывать его от непогоды в помещениях и т. п. Выгонное содержание скота также часто осуществляется с помощью пастухов. Таким образом, выгонное скотоводство отличается от отгонного лишь расстоянием места пастбы от места постоянного жительства скотовода и его семьи, а также некоторыми особенностями организации молочного хозяйства, что связано с ежедневным возвращением скота на ночь к жилью владельца.

Для *стойловой* формы содержания характерно более или менее регулярное кормление скота заранее заготовленными кормами (сено, солома, овес, ячмень и т. п.), более тщательный уход за ним; а также, как и при выгонном скотоводстве, наличие крытых стационарных помещений — стойл. Разновидностью стойлового скотоводства является полустойловое, при котором скот получает нерегулярную подкормку под открытым небом или в примитивных укрытиях, не имеющих крыши или стен и плохо защищающих его от непогоды.

Отсутствует в киргизоведческой литературе и четкая терминология для обозначения типов скотоводческого хозяйства. Например, термин «кочевое скотоводство» применяется и по отношению к хозяйству, для которого форма пастбищного скотоводства является единственной, и к хозяйству, где наряду с ним имеются формы скотоводства, характерные для системы оседлого скотоводства.

Термин же «оседлое скотоводство» нередко используется и для характеристики хозяйств, в которых кочевание со скотом продолжало сохранять важное значение.

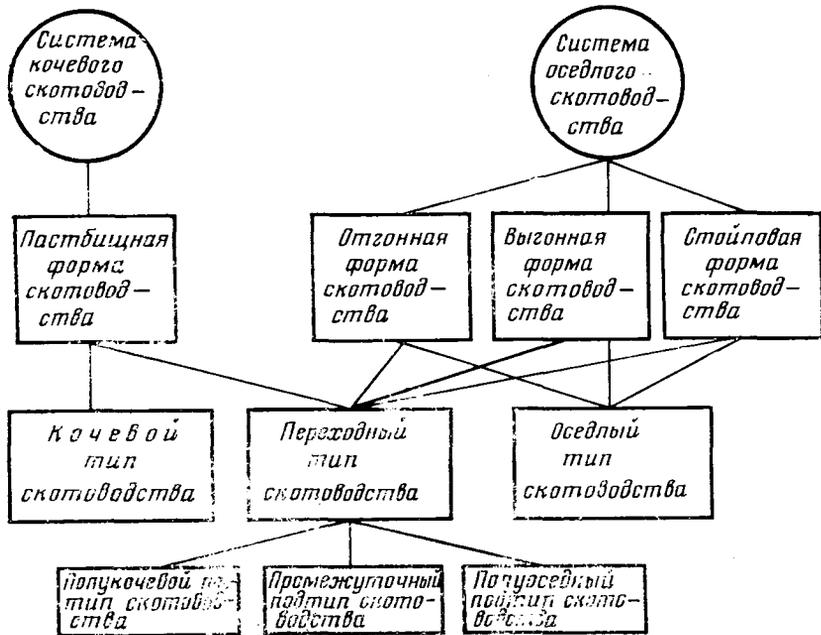
При обозначении различных ступеней переходного скотоводческого хозяйства используются термины «полукочевое», «полуоседлое», которые, как правило, дублируют друг друга.

В соответствии с изложенными принципами классификации у киргизов в конце XIX — начале XX в. нам удалось выделить три основных типа скотоводческого хозяйства: кочевой, переходный (смешанный) и оседлый (см. схему). Перейдем к рассмотрению каждого из них.

Скотоводческое хозяйство кочевого типа в его «чистом» варианте — кочевом скотоводстве — совсем не связано с земледелием: «...надзор и уход за скотом единственный... вид производительного труда... скот единственный... вид богатства, единственная форма капитала»⁶.

В хозяйстве такого типа скот круглогодично находится на подножном корме и кочует с одного сезонного пастбища на другое; почти полностью отсутствует сенокосение; кочевник и его семья в течение круглого года неотлучно находятся со скотом; нет постоянных (глинобитных или каменных) помещений для скота; отсутствует постоянное место зимнего стойбища (в зимнее время скотовод перекочевывает в те районы, где есть бесснежные пастбища); кочевание, как правило,

⁶ С. И. Руденко. Указ. раб., с. 7.

Типология скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX — начало XX в.)

связано с перемещением на большие расстояния (иногда до нескольких сот километров); в стаде отсутствует некоей крупный рогатый скот, оно состоит из овец, лошадей и верблюдов (отчасти коз); особо важное значение имеют транспортные виды скота (как верховые, так и вьючные) — без необходимого количества вьючных и верховых животных кочевое скотоводство становится невозможным⁷.

К концу XIX и в особенности к началу XX в. скотоводческие хозяйства кочевого типа, сочетавшие в себе перечисленные признаки, сохранились, по-видимому, только у киргизов Памира⁸. На территории Киргизии, судя по данным литературных источников, скотоводческие хозяйства, которые можно было бы назвать чисто кочевыми, встречались еще в середине XIX в., в период присоединения Киргизии к России. В конце же XIX в. и в особенности в начале XX в. такие хозяйства, по имеющимся у нас данным, окончательно исчезли.

В это время можно было еще встретить хозяйства, основанные преимущественно на пастбищном скотоводстве, но уже в той или иной степени занимавшиеся сенокосением или покупавшие сено в обмен на скот, имевшие постоянные стойбища со стационарными укрытиями для скота. В таких хозяйствах кочевание в зимнее время или отсутствовало вовсе, или носило ограниченный характер, так как часть скота, как правило, в течение дня выпасалась на склонах близлежащих гор, а к вечеру возвращалась к месту, где располагались загоны и юрта скотовладельца (другая, большая часть скота была на отгонных пастбищах).

Отмеченные черты кочевых скотоводческих хозяйств говорят о том, что последние обладают уже некоторыми признаками оседлого скотоводства. Однако из-за отсутствия в системе хозяйства земледелия мы все же относим их к кочевому типу.

⁷ С. И. Руденко. Указ. раб., с. 11.

⁸ А. Е. Снесарев. Индийский театр (военно-географическое описание), ч. 1, Ташкент, 1903, с. 110; Ю. А. Шибалева. Указ. раб., с. 103.

Упоминания о том, что в различных районах Киргизии в конце XIX — начале XX в. существовали скотоводческие хозяйства, не связанные с земледелием, имеются как в дореволюционной, так и в советской литературе⁹. Наличие таких хозяйств в начале века было засвидетельствовано и нашими информаторами в Иссыккульской и Нарынской областях, а также в Таласском районе Киргизской ССР. Наиболее часто они встречались в Прииссыкулье, в особенности на южном берегу озера, в современных Тонском и Жетигоузском районах.

Жить на доходы, получаемые только от скотоводства, кочевать на сравнительно большие расстояния (до 400—500 км) и при этом быстро оправляться от периодических падежей скота в результате зимних бескормиц (*джугов*) могли главным образом экономически сильные байские хозяйства, имевшие более 1000 овец, около 500 лошадей и 20—30 коров и быков.

Однако крупным байским хозяйствам для пастьбы скота и ухода за ним нужна была рабочая сила. Поэтому вокруг богатого кочевника постоянно группировалось некоторое количество бедняцких хозяйств, силами которых за небольшую плату (несколько голов скота, старая одежда и пропитание) выполнялись все необходимые на кочевье хозяйственные работы. Такие лишенные экономической самостоятельности хозяйства могут быть отнесены к кочевому типу лишь с оговорками, так как, при малом количестве собственного скота кочевание для них не было экономически целесообразным. Кроме того, оно часто носило вынужденный характер и не было регулярным, ибо богатый скотовод менял состав своего кочевья и мог всегда отказаться от услуг того или иного бедняка.

Существование относительно небольшого числа скотоводческих хозяйств кочевого типа в значительной степени было обусловлено наличием в той или иной местности благоприятных для кочевого скотоводства природных условий, а именно достаточным количеством доступных бесснежных зимних пастбищ, которые более или менее гарантировали возможность содержания всего скота в течение круглого года на подножном корме.

В сохранении скотоводческих хозяйств кочевого типа определенную роль играло и продолжавшее бытовать среди киргизов-скотоводов традиционное представление, согласно которому кочевому образу жизни отдавалось предпочтение: занятие земледелием и сенокосением считалось недостойным кочевника-скотовода. Однако это представление в результате тех преимуществ, которые давали хозяйству в целом земледелие и сенокосение, фактически уже отступало на второй план, и многие богатые скотоводы, имея в своем распоряжении в достаточном количестве бесснежные или малоснежные пастбища, все же предпочитали оградить скот от капризов природы.

Скотоводческое хозяйство переходного типа является уже составной частью комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства. Ему присущи черты, характерные для кочевого скотоводства, а также отличительные особенности, вызванные влиянием на него земледелия.

Прежде всего в хозяйстве этого типа изменяется состав стада (за счет увеличения количества крупного рогатого скота, который начинает вытеснять овец, лошадей и коз). Коровы и быки есть во всех хозяйствах без исключения, начиная от самых крупных байских, в кото-

⁹ «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и земледельческого в Семиреченской области», т. VIII (Пишпекский уезд), вып. 2. Текст. Пг., 1916, с. 52; Б. Б. Карп, И. Е. Сулов. Указ. раб., с. 69; П. Кушнер. Указ. раб., с. 42, 63 и 95; П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1934, с. 103; «Организация горно-кочевого хозяйства Нарынского кантона Киргизской АССР», вып. III. Ташкент, 1930, с. 68

рых имелись десятки голов крупного рогатого скота, и кончая беднячками, где нередко была лишь одна корова.

Необходимость регулярных земледельческих работ, а также увеличение их объема повлияли на дальность кочевания и его длительность. Так, на далекие расстояния (до 400—500 км) кочевала лишь небольшая часть крупных байских хозяйств. Для подавляющего же большинства хозяйств переходного типа были характерны перекочевки на расстояния не более двух-трех десятков километров.

Развитие земледелия вызвало сокращение числа постоянно кочующих членов семьи, так как участие в земледельческих работах для большинства кочевников было связано с отрывом от кочевания части работников семьи скотовода¹⁰.

В скотоводческих хозяйствах переходного типа происходят определенные изменения и в организации ведения скотоводческого хозяйства. Например, отпадает надобность в непрерывном круглогодичном существовании кочевых групп — объединений нескольких хозяйств для совместного выпаса скота и ухода за ним. «В зимнее, а отчасти и в осеннее время кочевые группы в большинстве случаев распадаются, что обычно связано с недостатком пастбищ и сокращением затрат труда по присмотру за скотом»¹¹. При этом следует учитывать сокращение в стадах общего количества скота, а также увеличение в нем процента быков и коров, которые частично или полностью переходят на стойловое содержание. Таким образом, надобность в кочевой группе на зимний период (а в некоторых случаях и на летний) отпадает. Подобного явления мы не наблюдаем в скотоводческих хозяйствах кочевого типа, где круглогодичное содержание скота на подножном корме, основанное на непрерывном кочевании с одного пастбища на другое, требовало круглогодичных коллективных усилий кочевой группы. В холодные и многоснежные зимы кооперирование усилий скотоводов имело особо важное значение.

Ослабление кочевых традиций ведения скотоводческого хозяйства привело к закреплению в среде бывших кочевников сезонной оседлости, более продолжительной и устойчивой. Сроки пребывания на зимовке в хозяйствах переходного типа колебались от 3,5 до 9 месяцев в году.

Появление сравнительно длительной оседлости существенным образом повлияло на развитие скотоводческого хозяйства киргизов. Призмочная территория стала служить той экономической базой, которая давала возможность развивать формы интенсивного оседлого скотоводства. Так, скотоводы получили возможность переходить ко все более активному занятию сенокосением и травосеянием. Год от году все больше и больше земель отходило под пашни, сенокосы, клеверники¹², при этом чем больше посевов было в хозяйстве, тем больше скота перешло на сено¹³.

К концу XIX и в особенности к началу XX в. киргизы стали возводить стационарные крытые помещения для скота, в которых зимой, а в некоторых случаях и в течение более длительного периода скот находился на стойловом содержании¹⁴.

Земледелие в хозяйстве киргизов становилось все более развитой отраслью, что проявлялось и в расширении ассортимента высеваемых культур. Это обстоятельство в свою очередь сказывалось на составе кормов для скота, а следовательно, и на степени интенсификации

¹⁰ М. Г. Сахаров. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. М., 1934, с. 57.

¹¹ Б. Б. Карп, И. Е. Суслов. Указ. раб., с. 79.

¹² «Материалы по обследованию...», с. 296.

¹³ Там же, с. 314.

¹⁴ «Материалы по киргизскому землепользованию...», с. 42; полевые записи автора за 1973 г.; хранятся у автора, тетрадь № 7, записи 17, 18, 19 и др.

животноводческого хозяйства. В настоящее время с развитием земледельческого промысла в корм скоту поступают также всевозможные продукты земледелия: зерно, солома, просяной пахал и прочее¹⁵.

Интенсификация скотоводства выражалась и в появлении новых видов выпаса скота. В осеннее и зимнее время скот кормился на стерне или на сенокосных участках, где трава была уже скошена.

Как было сказано выше, все скотоводы в хозяйствах переходного типа зимой прекращали кочевание и располагались на стоянку на призимовочной территории вблизи своих загонів и помещений для скота. В благоприятную погоду часть непригодного для перекочевков (или кочевков) скота выгонялась на склоны близлежащих гор, а вечером возвращалась обратно. Это был в основном крупный рогатый скот, как дойный, так и рабочий; верблюды, ездовые и скаковые лошади, молодежь, а также слабый больной скот всех видов.

Приблизительно так же содержало свой скот значительное число главным образом бедняцких хозяйств и в остальное время года. Таким образом, по мере сосредоточения скота в течение зимнего времени, а иногда и большей части года на призимовочной территории последняя постепенно приобретала черты выгона, т. е. пастбища, расположенного в непосредственной близости от зимовок, откуда скот в течение суток мог возвращаться на стоянку для доения, подкормки, укрытия от непогоды и т. д. При усилении связи скотоводческого хозяйства с земледелием этот выгон используется все более интенсивно: «По мере оседания киргизских хозяйств и расширения площади посева зерновых животноводство начинает базироваться на увеличении, с одной стороны, зерново-фуражных, а с другой — площади выгонов»¹⁶.

Частичное прекращение кочевания и связанное с этим более или менее длительное пребывание скотовода и его семьи на одной и той же территории дало также толчок к укреплению и развитию характерной для оседлого скотоводства отгонной пастбы скота: в зимнее время только часть скота оставалась на призимовочной территории. Остальной скот — гулевые лошади и овцы — отправлялся на высокогорные отгонные пастбища (*отор*), владельцы же скота и их семьи в это время оставались на зимнем стойбище. Наряду с зимним все более важное значение приобретал весенний, летний и осенний отгон скота.

Перечисленные выше черты скотоводческого хозяйства переходного типа характеризуют его как хозяйство двойственное: с одной стороны, ему присуще сохранение в способах ведения скотоводства традиционных кочевых навыков, основу которых составляет преобладание в стаде мелкого рогатого скота (в первую очередь овец), пребывание скота значительную часть года на подножном корме и кочевание с одного сезонного пастбища на другое, а с другой стороны, тенденция к сворачиванию пастбищного скотоводства и развитию скотоводческого хозяйства, характерного для оседлых земледельцев, которое основано на преобладании в стаде крупного рогатого скота, а также на его стойловом, выгонном и отгонном содержании.

В этом типе хозяйства можно выделить три подтипа, которые отличаются друг от друга разной степенью сохранения традиционных кочевых форм, с одной стороны, и развитием форм, присущих оседлому скотоводству, — с другой. Это полукочевой, промежуточный и полуоседлый подтипы. Остановимся на каждом из них.

В системе хозяйства в целом полукочевое скотоводство было преобладающим. Оно продолжало оставаться главным источником существования скотовода и его семьи.

¹⁵ «Материалы по киргизскому землепользованию...», с. 21; М. Г. Сахаров. Указ. раб., с. 82.

¹⁶ М. Г. Сахаров. Указ. раб., с. 235.

Несмотря на то что хозяйства этого подтипа имели посе­вы, зем­ле­де­лие в них носило ограниченный характер: «...сплошь и рядом посе­вы не дают никакого урожая. Отсюда можно сделать вывод, что зем­ле­де­лие для кочевых хозяйств горного района не может быть твердой опо­рой и благосостояние их все-таки зиждется на животноводстве»¹⁷. В среднем посевная площадь под сельскохозяйственные культуры со­ставляла всего лишь от 0.3 до 2.7 га на хозяйство¹⁸.

Чрезвычайно низким был и доход, получаемый хозяйствами полуко­чевников от земледелия. Так, в скотоводческих районах Киргизии до­ход от скотоводства составлял около 80% валового дохода и лишь 20% его приходилось на земледелие¹⁹. Связь земледелия со скотоводством была незначительной: «Земледелие у этой группы киргизов развивается самостоятельно и только отчасти приспособливает скотодство к своим нуждам»²⁰. При полукочевом скотоводстве скот в течение круглого года содержался на подножном корме и кочевал по всем сезонным паст­бищам, включая самые отдаленные, расположенные на расстоянии не­скольких сот километров от места зимней стоянки.

Крупный рогатый скот в стаде полукочевника составлял всего от 5.7 до 9.9%²¹, и, хотя хозяйственное значение его с появлением земледелия возросло, все же по традиции он ценился ниже, чем лошади и овцы.

Несмотря на то что сенокосением занимались до 97.3% всех хо­зяйств²², развито оно было слабо. Так, запасы сена на одну голову скота составляли всего 0.6 ц²³. Этого запаса хватало всего на 65—76 дней, в течение которых весьма нерегулярно подкармливалась лишь часть скота²⁴: «...в первую очередь небольшое количество сена получа­ли ездовые и рабочие лошади»²⁵. При этом полукочевники пользова­лись преимущественно естественными сенокосами, посе­вы трав прак­тиковались чрезвычайно редко.

В литературе приводятся данные, согласно которым 94.8% киргиз­ских полукочевых хозяйств подкармливали скот сеном в течение зимне­го времени²⁶. Однако подкормку скота сеном нельзя отождествлять с его стойловым содержанием. Процент хозяйств, имевших возможность и хотевших содержать скот в крытых стационарных помещениях, был гораздо ниже (главным образом байские хозяйства). К тому же на стойловом содержании в таких помещениях находилась всего лишь не­значительная часть скота. Так, в Пишпекском уезде, где в среднем на каждое хозяйство приходилось до 66 голов скота, на стойловом содер­жании было всего около 13.09 голов²⁷. Из них 3.6 лошади, 0.5 верблю­да, 2.9 рогатого скота, 6.09 коз и овец²⁸. Таким образом, на стойловом содержании в первую очередь находились лошади и затем уже круп­ный рогатый скот.

Приведенные выше данные свидетельствуют об отсталости полуко­чечевого скотоводства и зависимости его от природных условий как в зимнее, так и в летнее время. Глубокий снег, гололедница, продолжи­тельные и многоснежные зимы, а также засуха при полном отсутствии или незначительном количестве кормов на зиму — все это регулярно

¹⁷ «Типы хозяйств Туркестана». Ташкент, 1924, с. 38.

¹⁸ «Организация горно-кочевого хозяйства Нарынского кантона Киргизской АССР», вып. III. Ташкент, 1930, с. 138.

¹⁹ М. Г. Сахаров. Указ. раб., с. 88.

²⁰ Б. Б. Карп, И. Е. Суслов. Указ. раб., вып. VIII, с. 50.

²¹ «Материалы по обследованию...», с. 81.

²² Там же, с. 314.

²³ «Организация горно-кочевого хозяйства...», с. 45.

²⁴ «Материалы по обследованию...», с. 314, 315, 327 и сл.

²⁵ Там же, с. 205.

²⁶ Там же, с. 315.

²⁷ Там же, с. 118.

²⁸ Там же, с. 119.

приводило к массовым зимним и весенним падежам скота в полукочевых скотоводческих хозяйствах Киргизии.

Типичным для полукочевого скотоводства было сохранение полного цикла кочевания (по четырем сезонным пастбищам) только в богатых и зажиточных хозяйствах, которые владели большим количеством скота. Бедняцкие же хозяйства, как правило, кочевали на небольшие расстояния, периодически возвращаясь на зимовку для присмотра за своими и байскими посевами. Большинство их выполняло земледельческие работы на кабальных условиях.

Таким образом, для скотоводческого хозяйства полукочевого подтипа характерно абсолютное преобладание кочевых методов ведения скотоводства, в основе которых лежало круглогодичное содержание большей части скота на подножном корме, а также кочевание с ним с одного сезонного пастбища на другое. Крупный рогатый скот, хотя и приобрел более важное хозяйственное значение, все же считался менее ценным, чем овцы и лошади. В силу слабого развития земледелия, имевшего в хозяйстве явно второстепенное значение, выгонная и отгонная форма скотоводства в подавляющей массе хозяйств имели подсобное значение и практиковались в основном только в зимнее время. Стойловое содержание скота едва зарождалось. В полукочевом хозяйстве ведущую роль продолжала играть система кочевого скотоводства.

Территориально полукочевое скотоводство распространялось на весь Пишпекский (за исключением долины р. Чу, где можно было встретить как полуоседлые, так и оседлые скотоводческие хозяйства) и на Пржевальский уезды; на юг Киргизии — на Кенколкарагырскую волость Андижанского уезда (северная его часть), на южные волости Кокандского уезда — Исфаринскую, Найман-Кипчакскую и Сохскую, на северные волости Наманганского уезда — Кутлук-Сеидскую и Саруйскую, на южную и западные волости Скобелевского уезда — Яуксек-Бостанскую, Ичкиликскую и Кызыл-Суйскую и, наконец, на южную Алайскую волость и восточную часть Гульчиновской волости Ошского уезда.

Промежуточный подтип скотоводства представляет собой нечто среднее между полукочевым и полуоседлым подтипами скотоводческого хозяйства. Выделяем мы его в известной мере условно, так как в литературе нет достаточно подробных сведений, которые позволили бы говорить о промежуточном подтипе скотоводства вполне определенно. Однако имеются указания на то, что в ряде волостей, главным образом Наманганского и Андижанского уездов, скотоводство имело равное хозяйственное значение с земледелием²⁹. Следовательно, двойственность скотоводческого хозяйства, которая у полукочевников не носила глубокого характера, в хозяйстве промежуточного подтипа является уже более существенным фактором, что не могло не сказаться существенным образом на состоянии традиций ведения кочевого скотоводства.

Разница в доходах, получаемых от обеих отраслей, отсутствует полностью или незначительна. Так, например, в тех районах Наманганского уезда, где господствовали оседло-кочевые хозяйства, в среднем в каждом из них из 100 рублей дохода на скотоводство приходился 41 рубль, а на земледелие — 38 рублей³⁰. Земледелие в районах с промежуточным подтипом скотоводства носит более развитый, чем на землях полукочевников, характер. Там уже появляются зачатки севооборота и удобрения полей³¹.

Отмеченные обстоятельства способствовали большему, чем в полукочевых скотоводческих хозяйствах, проникновению оседлых форм, с

²⁹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Андижанский уезд», с. 37.

³⁰ «Материалы по киргизскому землепользованию... Наманганский уезд», с. 62.

³¹ Г. В. Покровский, Н. И. Стогов. Алтайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 г. Ташкент, 1913, с. 128.

одной стороны, и угасанию кочевых — с другой. Этот процесс приводил к уравниванию кочевых и оседлых форм скотоводства в хозяйстве киргизов, к формированию промежуточного подтипа, в скотоводческом хозяйстве которого продолжается сокращение общего поголовья скота. Например, в Наманганском уезде в среднем на одно хозяйство приходилось 22.4 головы скота, при этом 27% поголовья составлял крупный рогатый скот, а 32% — лошади. На долю овец приходилось всего от 15 до 24% стада³².

В скотоводческих хозяйствах промежуточного подтипа значительно лучше, чем у полукочевников, обстояли дела и с заготовкой сена на зиму. В среднем на единицу скота заготавливалось уже от 25.8 до 45 пудов сена³³. Люцерну в Наманганском уезде культивировали уже 27.4% хозяйств. Широко были распространены посевы клевера, урожаи которого снимались 2 раза в год.

Значительно повысился процент скота, находившегося на стойловом содержании. Так, в том же Наманганском уезде на стойловом содержании находилось до 80% всего скота (78.2% лошадей, 94.5% коров, 89.7% верблюдов и, что особенно важно отметить, до 57.8% овец и коз). Последние в полукочевом хозяйстве на стойловом содержании находились лишь в случае болезни и зимней бескормицы³⁴. Возросло также количество дней, в течение которых скот содержали в стойлах (крупный рогатый скот — до 122, лошади — до 96, а овцы и козы — до 52 дней в году)³⁵, а также время нахождения его на призывочной территории. В связи с этим повысилась значение выгонного скотоводства, а с ним и ценность выгонных территорий. Открытые загоны (*ко-роо*) предназначались лишь для зимнего содержания овец, другие виды скота в зимнее время содержались в стационарных крытых помещениях³⁶.

В итоге сократилось и время кочевания. Если полукочевник проводил на высокогорных пастбищах до 6—7 месяцев в году, то в хозяйствах промежуточного типа (даже в самых больших из них) время пребывания вне призывочной территории не превышало 4 месяцев³⁷. Ввиду сравнительно малого количества скота в хозяйствах, а также большей занятости в земледелии дальние перекочевки становились ненужными.

Интересно отметить, что подавляющее большинство хозяйств этого подтипа занималось пастьбой скота собственными силами, не прибегая к посторонней помощи. Поэтому теряли значение характерные для кочевников и полукочевников объединения в кочевые группы для совместного выпаса скота.

Следует отметить также, что в скотоводческих хозяйствах промежуточного подтипа наблюдалась более тесная связь с земледелием хозяйств независимо от степени их обеспеченности скотом, что объясняется увеличением значения земледелия, повышением его удельного веса в бюджете хозяйства в целом, а следовательно, и возросшими материальными и трудовыми затратами, необходимыми для его успешного ведения.

Скотоводческое хозяйство промежуточного подтипа, занимая среднее положение между полукочевым и полуседлым скотоводством, представляло собой еще один шаг вперед в процессе перехода кочевое скотоводства к оседлым формам; в нем можно предполагать относительное равновесие оседлой и кочевой систем скотоводства.

³² «Материалы по киргизскому землепользованию... Наманганский уезд», с. 33.

³³ Там же, с. 72.

³⁴ Там же, с. 146.

³⁵ Там же, с. 147.

³⁶ Там же, с. 144.

³⁷ Там же, с. 41.

Промежуточный подтип скотоводческого хозяйства был характерен для Чаткальской, Кокандкишлакской, Багишской и Кыргульской волостей Наманганского уезда, а также, по всей вероятности, для Маргеланского Алая и части Андижанского уезда.

К полуоседлому мы относим хозяйство, в котором скотоводство в целом играет подчиненную роль. На первый план выступают занятия земледелием и оседлый образ жизни. В литературе отмечается, что в ряде волостей Андижанского уезда «для большинства каракиргиз, не имеющих чисто кочевого скота (или имеющих его в небольших количествах.— Г. С.), а таких 84.3%, все настоящее и тем более будущее заключено в земле, в перешедших к ним как бы в собственность клочках пашен и покосов и в прилегающем выгоне, словом, в тех площадях, которые названы у нас призимовочными территориями»³⁸.

В полуоседлых хозяйствах площадь культурных угодий составляла уже 25% всей призимовочной территории³⁹. Посевная площадь каждого хозяйства увеличилась до 10 десятин, что составило довольно значительную цифру в условиях скотоводческой в основном Киргизии. Причем изменения эти не ограничились только количественной стороной. Меняется сам характер полевого хозяйства. Так, наряду с традиционными культурами полукочевников — пшеницей, просом и ячменем — на поливных землях культивируются такие культуры, как кукуруза, ризе, хлопок⁴⁰, а также кунак, джугара, лен, табак, дыни, арбузы, лук, морковь и т. д.⁴¹ В районах с полуоседлым хозяйством получают значительное распространение более совершенные сельскохозяйственные орудия (например, железный плуг, железная борона и т. п.)⁴².

Максимальный доход от земледелия в хозяйствах этого типа равнялся 81.5%, в то время как прибыль от скотоводства составляла самое большее 18.8% общего дохода отдельных хозяйств⁴³.

Большая занятость населения в земледелии вызвала дальнейшее уменьшение кочевания со скотом. Пребывание вне призимовочной территории кочевашких байских хозяйств не превышало 3—3.5 месяцев⁴⁴. В среднем же скотоводческие хозяйства на одном месте находились 201 день⁴⁵.

Характерным для полуоседлых скотоводческих хозяйств является приближение в ряде случаев летнего кочевания к отгону, так как далеко не все члены семьи в течение периода кочевания находились неотлучно со скотом, часть их вовсе не покидала зимовки и круглогодично находилась на призимовочной территории, занимаясь в основном земледелием.

Улучшилось и содержание скота. Так, в полуоседлых хозяйствах на голову скота уже приходилось до 93.4 пуда сена⁴⁶. В каждом хозяйстве здесь было в среднем от 3.3 до 15.4 голов скота⁴⁷. При этом значительно повысился в стаде удельный вес крупного рогатого скота и лошадей⁴⁸. Интересно отметить, что до 80% всех хозяйств не имели совсем овец и верблюдов⁴⁹. 50% крупного рогатого скота составляли волы, имевшие важное значение в земледелии⁵⁰.

³⁸ «Материалы по киргизскому землепользованию... Андижанский уезд», с. 62—63.

³⁹ Там же, с. 32.

⁴⁰ «Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области». Ташкент, 1915, с. 130.

⁴¹ Там же, с. 140.

⁴² Там же, с. 119.

⁴³ Там же, с. 65.

⁴⁴ Б. Б. Карп, И. Е. Суслов. Указ. раб., с. 37.

⁴⁵ Там же, с. 58.

⁴⁶ М. Г. Сахаров. Указ. раб., с. 115.

⁴⁷ «Материалы по киргизскому землепользованию... Андижанский уезд», с. 52.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 54.

⁵⁰ Б. Б. Карп, И. Е. Суслов. Указ. раб., вып. VIII, с. 36.

В полuosедлом скотоводческом хозяйстве на стойловом содержании⁵¹ находились уже все виды скота, в целом до 79% (97% лошадей, 78% коров и, что особенно важно отметить, до 70.8% овец и коз)⁵². Остальная же, незначительная часть скота, как и в полукочевом хозяйстве, круглогодично находилась на подножном корме, главным образом на выгонах призимовочной территории. Стационарные постройки для скота имелись во всех хозяйствах. В сравнении с полукочевым скотоводческим хозяйством повысилась также и культура стойлового содержания скота. Например, разные виды животных стали содержаться по возможности в отдельных помещениях, оборудованных глиняными яслями (в полукочевом скотоводческом хозяйстве корм бросали скоту, как правило, прямо на землю). Большое распространение получили утепленные четырехстенные стойла из саманного кирпича, крыша которых обязательно обмазывалась глиной⁵³.

Таким образом, скотоводческое хозяйство полuosедлого подтипа сохраняло лишь в пережиточном виде форму кочевого скотоводства. В зимнее время даже при благоприятной погоде лишь небольшая часть скота оставалась на подножном корме. Основным для полuosедлого скотоводства являлось содержание скота в весеннее, летнее и осеннее время на выгонах призимовочной территории, а также в стойлах.

Сказанное в целом свидетельствует о том, что присущие оседлому скотоводству формы утверждаются в полuosедлом скотоводческом хозяйстве как главенствующие, хотя и не единственные. Пастбищное кочевое скотоводство в хозяйствах оседлого типа отсутствовало почти полностью.

Полuosедлое скотоводство было наиболее распространено в южных районах Киргизии. Центром его был Андижанский уезд. Кроме того, такие хозяйства были, по всей вероятности, преобладающими в районах, соседящих с полuosедлыми районами Найманской и Ичкиликской волостей Скобелевского уезда; в Майликской, Карасуйской, Ак-Буринской, Наукатской, Турукской, Куршабской, а также в центральной и юго-западной частях Гульчинской волости Ошского уезда. Полuosедлое скотоводство было также в Чаткальской волости Наманганского уезда.

В литературе имеются лишь отдельные упоминания о наличии у киргизов в конце XIX — начале XX в. таких хозяйств, экономика которых зиждилась на земледелии и где скотоводство окончательно утратило самостоятельность и совсем не было связано с кочеванием. Следуя логической схеме классификации, мы относим такие хозяйства к типу оседлого скотоводческого хозяйства. Они в небольшом количестве были в южных районах Киргизии (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Однако более точных данных о месте их расположения не имеется, как нет, к сожалению, и более или менее исчерпывающей их характеристики. Поэтому мы не имеем возможности, опираясь на фактический и цифровой материал, сколько-нибудь подробно остановиться на особенностях оседлого скотоводческого хозяйства:

Как отмечают Б. Б. Карп и И. Е. Сулов, исследователи одной из южных волостей Скобелевского уезда, «основным и развивающимся хозяйством у жителей рассматриваемого района за последние два века является земледелие»⁵⁴. Сначала основу земледелия составляла исключительно зерновая система полеводства. Пшеница, являвшаяся почти единственной культурой этой системы, в дальнейшем постепенно уступила место другим, более интенсивным культурам: джугаре, рису

⁵¹ Крупный рогатый скот и рабочие лошади находились в стойлах до 180 дней в году. — «Материалы по киргизскому землепользованию...», с. 151.

⁵² Там же, с. 98.

⁵³ М. Г. Сахаров. Указ. раб., с. 107.

⁵⁴ Б. Б. Карп, И. Е. Сулов. Указ. раб., вып. VII, с. 13.

и главным образом хлопку. Широкое распространение в этих местах получили также просо, кунак, кукуруза, кунжут, лен, бахчевые и огородные культуры.

У скотоводов киргизских кышлаков с оседлым хозяйством в стаде имелось до 41% крупного рогатого скота и лошадей⁵⁵, что почти совпадало с процентным соотношением этих видов скота в стаде исконных земледельцев-узбеков из соседних кышлаков. Правда, общее количество скота в стаде у киргизов превышало таковое в стадах узбекского оседлого населения (главным образом за счет большего числа овец)⁵⁶.

Важно отметить, что в киргизских кышлаках даже самые богатые хозяйства строили основу своего благополучия главным образом на земледелии, получая от него свыше 80% всего дохода⁵⁷.

Для данного типа скотоводческого хозяйства характерно практически полное отсутствие кочевания со скотом. Так, из 643 хозяйств, обследованных Б. Б. Карпом и И. Е. Сусловым, продолжало небольшие перекочевки со скотом (больше напоминавшие отгон) всего 4 хозяйств.

Таким образом, мы можем сказать, что в скотоводческом хозяйстве оседлого типа пастбищное скотоводство, основанное на кочевании скотовода и его семьи со скотом, окончательно теряло свое хозяйственное значение. Скотоводство, став подсобной отраслью хозяйства, было основано на удобных для земледельца формах стойлового и выгонного содержания скота, которые в условиях предгорий, по-видимому, успешно сочетались с временным отгоном скота на не очень удаленные высокогорные пастбища.

Оседлый тип скотоводства, так же, как и кочевой, не имел на территории Киргизии в конце XIX — начале XX в. широкого распространения. Его существование в это время объясняется, вероятно, исключительными историческими, историко-культурными и географическими условиями, среди которых отметим тесный и длительный контакт с соседним оседлым узбекским населением, а также с русскими поселенцами, что способствовало относительно быстрому развитию и укоренению прогрессивных хозяйственных форм во всех районах Киргизии. Наличие в этих районах достаточного количества плодородных земель также способствовало процессу оседания кочевников.

Охарактеризованные выше разновидности скотоводческого хозяйства были распространены на территории Киргизии неравномерно. Преобладающим был переходный тип скотоводческого хозяйства, а в его пределах — полукошечное скотоводство, характерное для большей части территории Киргизии и ее хозяйств. Последнее преобладало на севере — в Пишпекском и в особенности в Пржевальском уездах. Ближе к южным районам оно утрачивало свои характерные особенности и приобретало черты промежуточного, полуоседлого и оседлого скотоводческого хозяйства. Причем процесс перехода скотоводческого хозяйства от кочевого к оседлому зашел так далеко, что кочевое скотоводство здесь носило явно пережиточный характер и быстро исчезало, уступая место переходному и частично оседлому типам скотоводства. Вместе с тем оседлое скотоводческое хозяйство было также скорее исключением, чем правилом.

Все это позволяет охарактеризовать скотоводческое хозяйство киргизов в конце XIX — начале XX в. в целом как хозяйство, переходное от кочевого к оседлому, причем процесс оседания, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, носил активный характер.

⁵⁵ Б. Б. Карп, И. Е. Сулов. Указ. раб., вып. VII, с. 14.

⁵⁶ Там же, с. 23.

⁵⁷ Там же, с. 33.

AN ATTEMPT AT A TYPOLOGIZATION OF KIRGHIZ PASTORAL ECONOMY

[late 19th — early 20th centuries]

A first attempt is made to classify the types of pastoral economy of the Kirghiz in the late 19th — early 20th centuries. In an introductory part of the paper the author expresses his attitude towards the terminology pertaining to the classification of pastoral economy that is prevalent in studies of the Kirghiz. He also touches upon the criteria according to which one or another type or subtype is distinguished. Among such criteria the author attaches prime importance to the presence or absence of crop farming in the economy and, in those cases where it is present, to its development level. Kirghiz pastoral economy is subdivided into three types: the nomadic, the mixed and the sedentary. The predominance of the mixed type is noted; consequently the pastoral economy as a whole is regarded as being in transition from the nomadic to the sedentary type.

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

 Июль — Август
1982

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» и задачи советских этнографов	3
С. И. Брук, В. М. Кабузан (Москва). Динамика численности и расселения русского этноса (1678—1917 гг.)	9
Р. Г. Кузеев, Х. С. Рафиков, Н. Х. Юмагужина (Уфа). Этногенез и генетическая дивергенция восточных башкир	26
Б. А. Литвинский (Москва) «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии)	34
А. Н. Кожановский (Москва). Испания: новый этап этнического развития	43
А. А. Никищенко (Москва). Научные школы в период становления современной британской социальной антропологии (20—40-е гг. XX в.)	55

Дискуссии и обсуждения

Г. Н. Симakov (Ленинград). О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX века	67
Б. В. Андрианов (Москва). Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства	76
Г. Е. Марков (Москва). Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества (ответ оппонентам)	80
От редакции	87

Из истории науки

В. П. Алексеев (Москва). В. В. Бунак — новатор в разработке теоретических основ антропологической науки	88
---	----

Сообщения

А. Н. Давыдов (Архангельск). Архангельский музей деревянного зодчества	93
Л. Т. Соловьева (Москва). Обычай и обряды первых лет жизни ребенка у грузин Хевсурети в конце XIX — начале XX в.	105
Е. А. Глинский, Д. А. Сергеев, Э. Е. Фрадкин (Ленинград). Кит в представлениях берингоморских эскимосов	112

Поиски, факты, гипотезы

А. И. Першиц (Москва). Похищение невест: правило или исключение?	121
--	-----

Хроника

Г. М. Давыдова, В. К. Жомова, А. А. Зубов, Н. И. Халдеева (Москва). Сессия, посвященная 90-летию со дня рождения В. В. Бунака	128
---	-----

Г. Н. Симаков

О ПРИНЦИПАХ ТИПОЛОГИЗАЦИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье Г. Е. Маркова, открывшей дискуссию о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества¹, затронута важная проблематика типологизации скотоводства. Ввиду неразработанности и дискуссионности этой проблематики, большое значение приобретает поиск принципов типологизации скотоводческого хозяйства у отдельных народов и у народов того или иного региона в целом, основанный на анализе конкретных материалов. В настоящей статье содержатся некоторые результаты подобного анализа скотоводства у народов Средней Азии и Казахстана.

Известно, что у населения этого обширного региона скотоводство с древнейших времен играло исключительно важную роль, оно нередко было главным, а иногда и единственным источником существования. К настоящему времени накоплен огромный материал по среднеазиатскому скотоводству, который нуждается в систематизации и обобщении. Одним из наиболее эффективных средств для этого является типологическое исследование. Создание типологий позволит сделать важные выводы по истории, структуре и функциям этой отрасли хозяйства и, что не менее важно, поможет наметить пути ее дальнейшего изучения. Кроме того, типологический анализ скотоводства будет способствовать уточнению хозяйственно-культурных типов у народов региона², поскольку, как отмечают исследователи, «ведущая форма хозяйственной деятельности в конкретных географических условиях в значительной мере определяла этнографические параметры образа жизни, которые могут быть сведены к следующим дефинициям: оседлый, полuosедлый, полукочевой, кочевой и бродячий. Именно эти определения выделяются при выявлении хозяйственно-культурных типов в качестве первого слагаемого их характеристики»³.

Изучение хозяйства народов Средней Азии и Казахстана, в частности скотоводческого хозяйства, имеет более чем двухвековую историю. Дореволюционный период характеризуется обилием конкретных исследований скотоводства, которые содержат ценные факты, статистические сведения, оценки. К этому периоду относятся и первые весьма несовершенные классификации скотоводческого хозяйства, в которых типы ско-

¹ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология.— Сов. этнография (далее СЭ), 1981, № 4.

² Проблемы типологий в современной этнографии. М.: Наука, 1979; Жданко Т. А. Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана в Историко-этнографическом атласе.— В кн.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1975, с. 7.

³ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные традиции и проблемы их картографирования.— СЭ, 1972, № 2, с. 8.

товдства выделены нередко по несущественным, а порой и случайным признакам⁴.

В советское время изучение среднеазиатского скотоводства идет по линии как дальнейшего накопления фактического материала, так и его теоретического осмысления на основе марксистско-ленинской методологии. При этом теоретические исследования ведутся в двух взаимосвязанных направлениях: 1) разработка типологий скотоводческого хозяйства⁵ и 2) уточнение хозяйственно-культурных типов⁶. Особенно важное значение в последние годы получило первое направление, в частности, в связи с интенсивной работой над Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана. Однако ряд вопросов, связанных с типологизацией скотоводческого хозяйства, требует дальнейшей разработки. В своей статье мы остановимся на тех из них, которые представляются нам наиболее важными, а именно:

— определение критериев выделения разновидностей скотоводческих хозяйств, в той или иной мере связанных с кочеванием (кочующих хозяйств);

— определение критериев выделения разновидностей оседлого скотоводческого хозяйства;

— более дробная детализация основных типов скотоводческого хозяйства с учетом географических и историко-культурных факторов (существующие трех-четырёхчастные схемы имеют слишком общий характер);

— обоснование и разработка принципа разграничения типов скотоводческого хозяйства на основе способов (систем) содержания и выпаса скота;

— уточнение терминологии скотоводческого хозяйства.

В среднеазиатской истории, этнографии, археологии и экономической географии прочно утвердилось мнение о том, что понятие «кочевой» народ все более дифференцируется. Деление народов Средней Азии и Казахстана на «чистых» кочевников и земледельцев явно устарело... Выявляется значительный удельный вес и историческая роль полупоседлого и полукочевого населения, сочетающего в своем хозяйстве в разных соотношениях земледелие и скотоводство, элементы кочевой и оседлой

⁴ Обзор литературы по дореволюционному скотоводству см.: *Лукин Б. В.* Материалы по историографии истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.— В кн.: *Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана; Кармышева Б. Х.* Степень изученности скотоводства у таджиков и узбеков.— В кн.: *Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана.* Л.: Наука, 1973.

⁵ См. *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— В кн.: *Материалы по этнографии.* ВГО СССР, 1961, в. 1; *Сорокин С. С.* Древние скотоводы Ферганских предгорий.— Там же; *Кармышева Б. Х.* Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана.— СЭ, 1969, № 3; *Оразов А.* Некоторые формы скотоводства в дореволюционной Туркмении.— В кн.: *Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана; его же.* О типах скотоводства в Ахале в конце XIX — начале XX века.— В кн.: *Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана.* М., 1975; *его же.* Типы (системы) скотоводства в Туркмении. Объяснительная записка к карте для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, в. 1 — Хозяйство (рукопись, хранится в секторе Средней Азии и Казахстана Ин-та этнографии АН СССР); *Курьлев В. П.* Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у казахов.— В кн.: *Проблемы типологии в современной этнографии; Симаков Г. Н.* Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов.— СЭ, 1978, № 6.

⁶ *Толстов С. П.* Очерки первоначального ислама.— СЭ, 1932, № 2; *Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР.* М., 1959; *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— СЭ, 1955, № 4; *Андрянов Б. В.* Хозяйственно-культурные типы.— В кн.: *Народы Средней Азии и Казахстана.* М.: Изд-во АН СССР, 1962, т. 1; *Андрянов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования; *Жданко Т. А.* Патриархально-феодалные отношения у полупоседлого населения Средней Азии и Казахстана.— В кн.: *Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте.* Ташкент, 1958; *ее же.* Проблемы полупоседлого населения Средней Азии и Казахстана.— СЭ, 1961, № 2; *ее же.* Номадизм в Средней Азии и Казахстане.— В кн.: *История, археология и этнография Средней Азии.* М.: Наука, 1968; *ее же.* К вопросу о хозяйственно-культурном типе полупоседлых скотоводов-земледельцев-рыболовов дельтовых областей Средней Азии.— В кн.: *Этнография и археология Средней Азии.* М.: Наука, 1979; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М.: Изд-во МГУ, 1976.

культуры»⁷. Причем очевидно и то, что «каждый из этих типов хозяйства (полукошечного и полуседлого.—Г. С.) и образов жизни имело множество градаций»⁸.

Из этого следует, что при типологизации скотоводческого хозяйства рассматриваемого региона очень важным оказывается вопрос дифференциации скотоводческих хозяйств, в той или иной степени связанных с кочевым образом жизни. Однако его решение сопряжено прежде всего с установлением четких и надежных критериев, которые позволили бы выявить качественные различия между «множеством градаций» скотоводческих хозяйств. Советскими учеными в качестве важнейших критериев использовались: характер, протяженность и длительность кочевания, состав стада в кочующем хозяйстве, наличие или отсутствие сезонной оседлости — стационарных построек для скота, наличие и степень развития сенокосения, наличие или отсутствие стационарного жилища⁹. Типологизации основывались либо на отдельных критериях, либо на различных их сочетаниях, что, на наш взгляд, не могло дать достаточно четкой картины типов скотоводческих хозяйств, связанных с кочевым образом жизни. Часто хозяйства, обладающие существенными общими чертами, относили к разным типам, и, наоборот, хозяйства, различающиеся по основным признакам, — к одному типу.

Некоторые авторы (С. И. Руденко, С. С. Сорокин, В. П. Курылев) использовали в качестве одного из разграничительных критериев наличие или отсутствие в системе хозяйства земледелия, но не придавали этому критерию первостепенного значения. Между тем тщательное исследование имеющихся материалов показывает, что масштабы и характер кочующего скотоводческого хозяйства в значительной мере определяются наличием или отсутствием в его системе земледельской отрасли, а при наличии таковой — степенью ее развития и удельным весом. Вот как характеризует различия между кочевым и полукочевым хозяйством и бытом у казахов один из дореволюционных авторов: «Чисто кочевой быт это такой, где хозяйство зиждется исключительно на одном скотоводстве, где притом скот содержится круглый год на подножном корме, и, следовательно, не существует не только земледелия, но даже и сенокосения, а отсюда с необходимостью вытекает кочевой образ жизни — правильные периодические передвижения кочевников и их скота, в зависимости от состояния кормов в разное время и в разных частях используемой кочевниками территории; отсюда вытекает и отсутствие постоянных жилищ — единственное обиталище чистого кочевника, идеально приспособленное к своей цели — это передвижная обыкновенно войлочная юрта... Полукошечные формы быта и хозяйства характеризуются появлением и более или менее значительным развитием земледелия и сенокосения, наличием постоянных жилищ и сокращением как времени, так и размаха кочевания»¹⁰. В этом высказывании подчеркнута важная роль земледелия в изменении характера кочующего скотоводческого хозяйства, так как прежде всего наличием в нем земледелия объясняется появление ряда элементов оседлости (сенокосение, постоянное жилище), а также сокращение времени и протяженности кочевания.

Экономисты, проводившие специальное исследование, констатируют факт зависимости кочующего скотоводческого хозяйства от земледельческой отрасли и выявляют одну из важных причин этой зависимости. Так, П. Погорельский и В. Батраков, изучавшие в 1930-х годах хозяйство киргизов, пишут: «Обычно каждый скотовод имеет посев... сочетание скотоводства и земледелия явление обычное и, по крайней мере, для настоящего времени естественное... каждый скотовод вынужден делить

⁷ Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане, с. 276.

⁸ Жданко Т. А. Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана в Историко-этнографическом атласе, с. 9.

⁹ См.: Руденко С. И. Указ. раб.; Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинов. М.: Наука, 1972, с. 69—73.

¹⁰ Кауфман А. К. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907, с. 7.

свой труд между скотом и землей»¹¹. М. Г. Сахаров подчеркивает, что форма участия в земледельческих работах для большинства кочевников связана с отрывом от кочевания части работников семьи скотовода. Отрыв и даже раздел семьи и домашнего хозяйства происходит не только во время летних работ по поливу и охране посевов, по заготовке топлива (кизяков), но и весной для проведения пахоты и посева, осенью для уборки урожая¹². В результате «Продолжительные полевые работы, связанные с подготовкой пашен, посевом и уборкой их, удерживают киргиз на территории, где у них находятся посевы, т. е. главным образом на призмочной территории. Кочевания киргиз значительно сокращаются»¹³.

Занятие крестьян одновременно двумя отраслями хозяйства, к тому же требующими территориального разъединения (оседлость и кочевание), заставляло их строго распределять свой труд. В ряде случаев «...часть хозяйств, менее обеспеченных скотом, образует кочевые группы, отдельные хозяйства которых самостоятельно ведут земледелие. При наступлении сроков уборки урожая группа либо вся приближается к зимовке, либо выделяет хозяйства, которые должны самостоятельно провести уборку»¹⁴. Чаще же разделение труда осуществлялось в рамках семьи. Так было, например, у даукаринских казахов Каракалпакии. Вот что рассказал Т. А. Жданко один из ее информаторов в 1974 г.: «Здесь жители занимались наполовину земледелием, наполовину скотоводством. Мой отец имел трех братьев: в общем хозяйстве у них было более 100 лошадей, более 1000 овец, были коровы — крупный рогатый скот. Поэтому два брата занимались земледелием, а два пасли скот. Так распределяли работу в тех случаях, когда между родственниками были мир и согласие. Если же они ссорились, то не могли одновременно заниматься и скотоводством и земледелием — им занималась примерно половина членов семьи. Поэтому скотоводство даукаринских казахов в целом правильно называть полукочевым»¹⁵.

Наличие двух отраслей в системе хозяйства кочующих скотоводов было характерно для многих районов Каракалпакии и Туркмении, где земледелие было относительно высоко развито, и крестьяне должны были обеспечить уход за землей и посевами, а порой и содержание в порядке оросительной сети. Именно этим следует объяснить тот факт, что кочевание у туркмен и каракалпаков имело в рассматриваемый период пережиточный характер.

Важно отметить, что даже при весьма слабом развитии земледелия само наличие его в системе хозяйства влияло на характер ведения кочевого скотоводства. У монголов, например, «хлебопашество», как отмечал Б. Я. Владимирцов, «...не изменило кочевой жизни и не создало поселений. Зато хлебопашество нормировало кочевание: пашни могут существовать только в нескольких пунктах, поэтому кочевание следует строить так, чтобы попадать к пашням во время вспашки, посева, а также уборки хлебов»¹⁶. Аналогичную картину можно было наблюдать и у большинства кочующих хозяйств Средней Азии и Казахстана, где земледелие было неразвитым, примитивным.

Таким образом, наличие земледелия в системе хозяйства требовало раздвоения усилий и рабочего времени семьи кочующего скотовода (или группы родственных семей) для параллельного ведения двух пространственно разъединенных хозяйственных отраслей. Это обстоятельство неизбежно вело и к изменению характера кочевого скотоводства, к умень-

¹¹ Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М.: Изд. Совнаркома КАССР, 1930, с. 86.

¹² Сахаров М. Г. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. М., 1934, с. 57.

¹³ Погорельский П., Батраков В. Указ. раб., с. 90.

¹⁴ Там же, с. 87.

¹⁵ Жданко Т. А. Скотоводческое хозяйство Каракалпакии в конце XIX — начале XX века. Объяснительная записка к карте для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана (рукопись, с. 36).

¹⁶ Владимирцов Б. Я. Поездка к кобдосским дербетам летом 1888 г. — Изв. РГО, 1911, т. 46, в. 8—10, с. 335—336.

шению его масштабов и появлению в его системе оседлых элементов.

Так, помимо сокращения продолжительности и протяженности кочевания у скотоводов, связанных с земледелием, количественно и качественно менялся состав стада: у кочевников, как правило, стада были более многочисленны, чем у скотоводов, занимавшихся и земледелием. Кроме того, в стадах последних значительно повышается процент крупного рогатого скота: во-первых, он используется в сельскохозяйственных работах, а во-вторых, с сокращением продолжительности и протяженности кочевания появляется возможность его содержания на территории сезонной оседлости (крупный рогатый скот, как известно, не переносит дальних перекочевков).

Содержание сравнительно большого количества крупного рогатого скота, обусловленное, как уже отмечалось, главным образом потребностями земледелия, приводит к необходимости заниматься сенокосением (этот вид скота не может добывать корм из-под снега).

Для обработки земли, поддержания оросительной сети, полива, сбора и обмолота урожая, а также заготовки сена скотоводу приходилось часть года проводить на территории, где находятся посевы и покосы. Так по мере развития земледелия и угасания кочевых традиций ведения скотоводческого хозяйства развивается сезонная оседлость, продолжительность которой, как об этом свидетельствуют многочисленные материалы, находится в прямой зависимости от степени развития сельскохозяйственной отрасли, от ее удельного веса в системе хозяйства.

Часто в местах сезонной оседлости не было естественных укрытий для скота от непогоды. При этом ввиду значительных изъятий царским правительством пастбищных земель не было и возможности перегонять скот на другие участки, так как территории сезонной оседлости (главным образом зимние стоянки) обычно были поделены между различными племенными группами. Поэтому скотоводы, имеющие посевы, были вынуждены возводить для укрытия животных от непогоды стационарные постройки; в первую очередь в них нуждался крупный рогатый скот. Количество и качество сооружений также зависели от уровня развития земледелия, от степени проникновения в хозяйство и быт элементов оседлого образа жизни.

Наконец, по мере развития оседлости вслед за помещениями для скота появлялись стационарные жилища для людей, и, чем сильнее было развито в системе кочующего хозяйства земледелие, тем большее число семей имели такие жилища и тем совершеннее было их качество.

Изменения в кочующем скотоводческом хозяйстве, вызванные наличием в его системе сельскохозяйственной отрасли, касались также характера использования различных видов скота в хозяйстве, форм организации его выпаса, числа постоянно кочующих членов семьи, продолжительности их пребывания на кочевье и на территории сезонной оседлости, количественного соотношения культурных угодий (сенокосов и пашен) и территорий, предназначенных для выпаса скота, и многих других черт скотоводческого хозяйства.

Необходимо подчеркнуть, что одновременно происходили существенные изменения в быту и культуре скотоводов, чье хозяйство сохраняло кочевые традиции. Например, в пище менялось соотношение молочных и мясных продуктов, с одной стороны, и продуктов земледелия — с другой. В составе утвари появлялась керамическая посуда и другие тяжелые и громоздкие предметы, которые можно было на время кочевания оставить в стационарных жилищах на территории сезонной оседлости, менялись масштабы и характер традиционных общественных и семейных торжеств, одежда, транспортные средства и т. п.

Таким образом, главная и единственная причина происшедших в хозяйстве и быте изменений — появление и развитие земледелия в системе кочующего скотоводческого хозяйства. Все остальные критерии, в различных сочетаниях или каждый в отдельности использовавшиеся исследователями для разграничения разновидностей скотоводческих хозяйств, являются, на наш взгляд, вторичными. Поэтому мы сочли целе-

сообразным взять в качестве критерия разграничения кочевых скотоводческих хозяйств, с одной стороны, и хозяйств, которые в литературе принято называть полукочевыми и полуседлыми, — с другой наличие или отсутствие в их системе земледельческой отрасли.

На это можно было бы возразить, что иногда и кочевые хозяйства имеют в составе стада небольшое количество рогатого скота, занимают сенокосением и даже используют стационарные жилища. Однако эти признаки оседлости, во-первых, встречаются в кочевых хозяйствах сравнительно редко, во-вторых, не имеют тенденции развиваться, в третьих, неустойчивы до появления в системе кочующего хозяйства земледелия и, кроме того, не составляют в своей совокупности основы оседлого хозяйства и быта.

Рассматривая земледелие в качестве критерия разграничения различных кочующих хозяйств, следует, на наш взгляд, остановиться на очень важном моменте, который при типологизации или совсем не учитывался или не привлекал должного внимания. Имеются в виду способы содержания и выпаса скота, или, как мы называем их, формы скотоводства.

В специальной литературе, посвященной скотоводческому хозяйству народов Средней Азии и Казахстана, отмечаются следующие формы скотоводства: пастбищная, отгонная, яйлажная, выгонная и стойловая. Однако не всегда достаточно отчетливо раскрывается содержание этих терминов. Попытаемся охарактеризовать формы скотоводства и выявить различия между ними, так как это, на наш взгляд, имеет принципиальное значение при разработке типологии.

Под пастбищной мы подразумеваем такую форму скотоводческого хозяйства, суть которой составляет содержание скота в течение всего года или части его на подножном корму. При этом обязательно кочевание скотовода и его семьи со всем домашним имуществом с одного сезонного пастбища на другое.

При отгонной форме скотоводства весь скот либо часть его отправляется на определенный период года (иногда на весь год) на отдаленное пастбище в сопровождении пастуха или пастухов (посторонних людей или родственников), которые осуществляют пастьбу скота и надзор за ним. Владелец скота и его семья (или большая часть семьи) во время пастьбы находятся на местах постоянного жительства или сезонной оседлости, расстояние от которых до пастбища не позволяет им осуществлять ежедневный уход и надзор за скотом и его регулярное доение.

Яйлажная форма характеризуется тем, что весь скот или часть его перегоняется (чаще всего на теплое время года) на более или менее отдаленное от места жительства крестьянина и его семьи пастбище.туда же переселяется часть семьи, обычно женщины. Они осуществляют пастьбу скота и надзор за ним, а также заготовку впрок молочных продуктов. На месте выпаса часто возводятся сезонные стационарные постройки для укрытия скота от непогоды, а иногда и стационарные жилища для людей, сопровождающих скот. По окончании сезона пастьбы скот и сопровождающие его люди возвращаются на место постоянного или временного жительства крестьянина и его семьи. Надо подчеркнуть, что рассмотренный способ выпаса — не кочевание и не отгон пастухами скота. Это лишь временное переселение части жителей на сезонное пастбище (как правило, постоянное, им пользуются из года в год).

При выгонной форме скот, как и в рассмотренных выше случаях, содержится на подножном корму в течение всего года или части его, но при этом выпасается на небольшом расстоянии от оседлого поселения — места постоянного жительства крестьянина и его семьи, где и расположены стационарные помещения для скота. Это позволяет один или несколько раз в день, не отрываясь надолго от других хозяйственных занятий, осуществлять доение и подкормку скота. Ночью, а также в непогоду, скот находится в стационарных помещениях. Пасут скот пастухи или члены семьи. Таким образом, выгонная форма скотоводства отличается от отгонной прежде всего меньшим расстоянием, на которое перегоняет-

ся скот, и вытекающей отсюда возможностью более эффективного ухода за ним, возможностью регулярного доения, укрытия от непогоды и т. п.

Стойловая форма, во многих случаях тесно связанная с выгонной, характеризуется, во-первых, кормлением скота заранее заготовленным кормом («с рук») и уходом за ним и, во-вторых, наличием в усадьбе стационарных помещений для скота.

Охарактеризованные формы скотоводческого хозяйства, на наш взгляд, можно разделить на две качественно различные категории. В первую входит только пастбищная форма скотоводства, неотъемлемым признаком которой является кочевание. Пастбищная форма составляет основу кочевого скотоводческого хозяйства. Остальные четыре формы (яйлажная, отгонная, выгонная и стойловая) присущи исключительно оседлому скотоводческому хозяйству, так как они ни в коей мере не связаны с кочеванием, т. е. передвижением скотовода и всей его семьи со всем домашним имуществом вслед за скотом с одного сезонного пастбища на другое. В этих четырех случаях скотовод и его семья живут оседло (временно или постоянно), лишь при яйлажной форме скотоводства часть семьи переселяется (но не кочует) на более или менее отдаленное пастбище¹⁷.

До сих пор исследователи при рассмотрении скотоводческих хозяйств, в той или иной мере связанных с кочеванием, говорили только о пастбищной системе скотоводства как единственной их основе. В этом, на наш взгляд, одна из причин того, что между оседающими и кочевыми скотоводческими хозяйствами трудно было провести типологическую грань. В действительности же часть кочующих скотоводческих хозяйств, занимавшихся помимо скотоводства и земледелием, была вынуждена, как уже говорилось, некоторое время находиться на территории сезонной оседлости, что неизбежно приводило к необходимости выпасать скот (или часть скота) в непосредственной близости от этой территории. Следовательно, пастбища в период пастбы по существу являлись выгонами, так как кочевание на это время прекращалось. Кроме того, как отмечалось, скотоводы, занимавшиеся наряду с кочевым скотоводством и земледелием, возводили на территории сезонной оседлости стационарные помещения для скота, где в холодное время скот получал дополнительно заранее заготовленные корма. Иными словами, в определенное время года скот (или часть скота) был на стойловом содержании. В тех же случаях, когда скота было очень много, на период сезонной оседлости его отгоняли на отдаленное пастбище с пастухами.

Таким образом, для кочевых хозяйств характерна только пастбищная форма выпаса скота; кочующие же хозяйства, связанные с земледелием, использовали в той или иной степени помимо кочевой пастбищной и оседлые формы содержания скота: отгонную, стойловую, выгонную, а иногда и яйлажную.

Все сказанное о формах скотоводческого хозяйства также позволяет нам рассматривать признак наличия или отсутствия земледелия в системе хозяйства — в качестве основного разграничительного критерия между кочевыми хозяйствами и хозяйствами, утратившими в той или иной степени кочевые традиции. Однако, применяя этот критерий, надо иметь в виду, что и земледелие народов Средней Азии и Казахстана обладает значительным типологическим разнообразием. Поэтому в качестве критерия следует брать лишь «регулярное» земледелие, при котором участки земли, как и сама территория сезонной оседлости, постоянны, ими пользуются из года в год. Так называемое нерегулярное земледелие, при котором места пахоты меняются и новые порой находятся на значительном удалении от прошлогодних, характерно для кочевого скотоводства

¹⁷ Многие исследователи считают, что отгонная форма скотоводства составляет самостоятельный тип или присуща кочевой системе. См.: Поляков С. П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во МГУ, 1980, с. 44, 52—54; Шамилдзае В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 54, и др.

и рассматривается нами только для выделения градаций в пределах кочевого скотоводческого хозяйства.

На основании изложенного можно сформулировать и содержание термина «сезонная оседлость». К скотоводческим хозяйствам, обладавшим сезонной оседлостью, мы относим лишь те, которые занимались регулярным земледелием, что, как показано выше, вело к возникновению в кочующем хозяйстве оседлого культурно-хозяйственного комплекса. Кочевые хозяйства, находящиеся на одном и том же месте в один из сезонов года, но не занимающиеся регулярным земледелием, сезонной оседлостью не обладают. Их пребывание на сезонных стоянках не было обусловлено хозяйственной необходимостью, а вызывалось внешними обстоятельствами (изъятие зимних пастбищных территорий, ограниченное количество пригодных для зимовок мест и т. д.), изменение которых нередко влекло за собой потерю сезонной стоянки и утрату появившихся элементов оседлого быта.

Использованный в качестве главного при выделении типов скотоводческого хозяйства критерий наличия земледелия позволяет провести качественную грань между разновидностями оседлого скотоводства; ибо степень подвижности оседлого скотоводческого хозяйства тоже зависит от уровня интенсификации земледельческой отрасли. Например, в тех районах, где земледелие имело древние традиции и отличалось относительно высокой культурой, в скотоводстве, как правило, преобладали выгонная и стойловая формы (т. е. наименее подвижные формы), так как скота в районах развитого земледелия — оазисах Средней Азии — было, как правило, немного и необходимость в отгонном его содержании отпадала. В тех же районах, где земледелие в силу географических и историко-культурных причин находилось на более низком уровне и где скотоводство являлось доходной отраслью хозяйства, ведущее место, как правило, принадлежало яйлажной и отгонной формам скотоводства (т. е. более подвижным и близким к кочевой).

В заключение следует подчеркнуть, что особенности скотоводческого хозяйства находились в тесной зависимости от классовой и имущественной дифференциации скотоводов. Поэтому при выделении типов скотоводческого хозяйства было бы неверно, на наш взгляд, брать за основу только байские (наиболее подвижные) или только бедняцкие (наиболее зависимые от земледелия) хозяйства, так как характеристика скотоводства в этом случае была бы односторонней. Поэтому мы берем за основу некое среднее в данном конкретном районе и конкретной географической обстановке хозяйство, отмечая при этом особенности байских и бедняцких хозяйств в пределах выделенного типа (или подтипа). Во многих случаях таким хозяйством является хозяйство середняка, в котором нет, с одной стороны, черт деградации, присущих бедняцким хозяйствам, с другой — стабильности, присущей богатым эксплуататорским хозяйствам. Кроме того, надо учитывать, что степень взаимодействия и взаимовлияния двух отраслей хозяйства (кочевого скотоводства и регулярного земледелия) в каждом конкретном случае в значительной мере зависела от природных условий, от этнокультурных традиций хозяйственной деятельности, от исторических причин, политических обстоятельств и т. п.

Взяв в качестве главного критерия разграничения разновидностей скотоводческого хозяйства наличие или отсутствие в его системе земледелия, а при наличии такового — степень его развития, интенсификации, мы выделяем три основных типа скотоводства: кочевой, комплексный и оседлый. Кочевой тип объединяет наиболее подвижные скотоводческие хозяйства, комплексный — совокупность кочующих хозяйств, занимающихся параллельно и регулярным земледелием (эти хозяйства сочетают черты как кочевого, так и оседлого типов), оседлый тип основан только на оседлых формах (скотоводческая отрасль в хозяйствах этого типа подчинена задачам регулярного земледелия).

В пределах названных типов можно выделить ряд подтипов, различающихся по степени интенсификации земледельческой отрасли, ее удель-

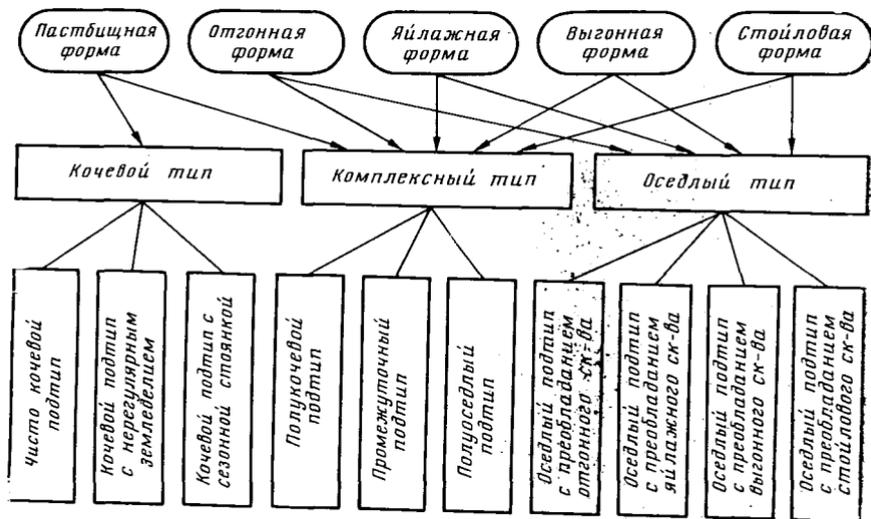
ному весту в системе хозяйства, ее значимости как основного средства существования. Так, в рамках комплексного типа выделяются: 1) *полукочевой подтип*, в котором кочевые традиции ведения скотоводства явно преобладают над оседлыми в силу неразвитости земледелия в системе хозяйства; 2) *промежуточный подтип*, в котором характерные для кочевого и оседлого скотоводческого хозяйства черты как бы уравновешены (имеют приблизительно равное значение в скотоводческом хозяйстве), что вызывается одинаковым значением скотоводства и земледелия как основных средств существования; 3) *полуоседлый подтип*, где кочевые методы ведения скотоводческого хозяйства являются по существу пережитком, так как земледелие в системе хозяйства явно преобладает и служит основным средством существования.

В пределах оседлого типа мы выделяем: 1) *оседлый подтип с преобладанием яйлажного скотоводства*; 2) *оседлый подтип с преобладанием отгонного скотоводства*; 3) *оседлый подтип с преобладанием выгонного скотоводства* и 4) *оседлый подтип с преобладанием стойлового скотоводства*.

В пределах кочевого типа выделяются: 1) *чисто кочевой подтип*, для которого характерно полное отсутствие земледелия в системе хозяйства, непрерывное круглогодичное кочевание со скотом с одного сезонного пастбища на другое (как правило, на большие расстояния), отсутствие сезонных стоянок, крупного рогатого скота, стационарных жилищ и ностроек для скота и т. п.; 2) *кочевой подтип с нерегулярным земледелием*, особенностями которого были кочевание на меньшие, чем в предыдущем случае, расстояния, наличие в стаде некоторого количества крупного рогатого скота, отсутствие регулярной сезонной оседлости, так как участки земли из года в год засеивались обычно на новом месте, расположенном нередко на значительном расстоянии от прошлогодней пашни. Скотоводческие хозяйства этого подтипа были ограничены в кочевании на время земледельческих работ; 3) *кочевой подтип с сезонной стоянкой*, характеризующийся также полным отсутствием земледелия в системе хозяйства, кочеванием на большие расстояния, отсутствием в стаде крупного рогатого скота; хозяйства, относящиеся к этому подтипу, вынуждены проводить определенное время в году (чаще зиму) на одной и той же стоянке, где иногда имеются стационарные загоны для скота, а также заготовлено небольшое количество сена для подкормки части животных (ослабленных, больных) «с рук» в наиболее холодное или снежное время зимы. Два последних подтипа кочевого скотоводства обладают некоторыми чертами оседлости, однако отсутствие стационарного земледелия в хозяйстве делает, как уже говорилось, такие черты неустойчивыми, временными, что дает основание рассматривать эти подтипы в пределах кочевого типа.

Изложенную классификацию скотоводческого хозяйства мы изобразили графически (см. схему). Слева представлены наиболее подвижные разновидности скотоводческого хозяйства (кочевой тип и чисто кочевой подтип), а справа — наименее подвижные (оседлый тип и оседлые подтипы с преобладанием выгонного и преобладанием стойлового скотоводства). В той же последовательности в схеме отражены и формы: слева наиболее подвижная — пастбищная (кочевая) форма, справа наименее подвижная — стойловая. Схема, как нам кажется, во-первых, дает представление о многообразии традиционного скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана и, во-вторых, показывает основную тенденцию развития скотоводства региона в конце XIX — начале XX в.: стремление к оседанию кочующих хозяйств, к развитию в их системе регулярного земледелия, к переходу от более подвижных форм скотоводства к менее подвижным. Надо сказать, что тенденция эта развивалась независимо от того, когда вошло земледелие в хозяйство: сравнительно недавно (большинство казахов и киргизов) или же в далеком прошлом (большинство каракалпаков и часть туркмен).

В заключение отметим, что выделенные типы и подтипы скотоводческого хозяйства у народов рассматриваемого региона представляют

Классификация традиционного скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана

лишь основные градации скотоводства и не исчерпывают всего его разнообразия. Поэтому с учетом географических факторов, которые оказывали существенное влияние на формирование разновидностей скотоводческого хозяйства в той или иной природной зоне, а также особенностей скотоводства, сложившихся у разных народов и их локальных групп под воздействием историко-культурных факторов, можно выделить в пределах рассмотренных подтипов скотоводства многочисленные варианты.

Б. В. Андрианов

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ДЕФИНИЦИЯХ И ТЕРМИНОЛОГИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Обсуждаемая статья Г. Е. Маркова¹ затрагивает ряд важных проблем этнографического изучения скотоводческого хозяйства и кочевничества. Он справедливо обращает внимание прежде всего на существующие различия в толковании терминов «животноводство» и «скотоводство». Если первый, по мнению Г. Е. Маркова, охватывает все формы содержания животных и служит основой многих хозяйственно-культурных типов, то второй связан с более или менее экстенсивным разведением животных и хозяйственной деятельностью, «либо целиком определяющей характер хозяйственно-культурного типа, либо составляющей один из важнейших его признаков» (с. 84).

Нетрудно заметить, что в данной статье, как и в ряде других своих публикаций, Г. Е. Марков связывает вопросы классификации скотоводческого хозяйства с историко-этнографической классификацией, с так называемыми хозяйственно-культурными типами. Такой подход, безусловно, соответствует современным задачам этнографии, изучающей в рамках разрабатываемых в отечественной науке научных концепций «этнических общностей», «историко-культурных областей» и «хозяйст-

¹ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология.— Сов. этнография, 1981, № 4 (далее ссылки на эту статью даются в тексте).